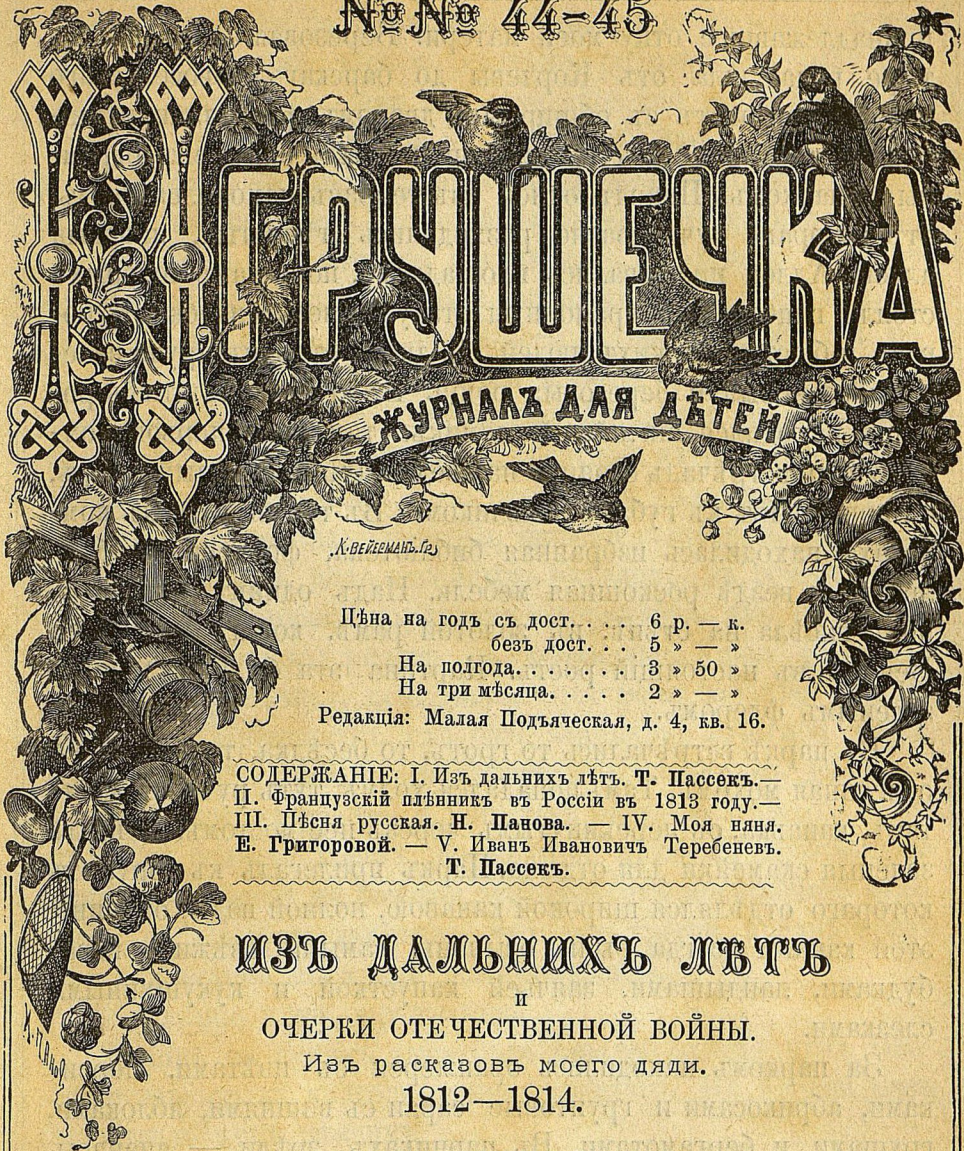

№ № 44-45

ГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

К. ВЕЙСМАНЪ. Гр.

Цѣна на годъ съ дост. 6 р. — к.
 безъ дост. 5 » — »
 На полгода 3 » 50 »
 На три мѣсяца 2 » — »

Редакція: Малая Подъяческая, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Изъ дальнихъ лѣтъ. Т. Пассекъ. —
 II. Французскій плѣнникъ въ Россіи въ 1813 году. —
 III. Пѣсня русская. Н. Панова. — IV. Моя няня.
 Е. Григоровой. — V. Иванъ Ивановичъ Тересевъ.
 Т. Пассекъ.

ИЗЪ ДАЛЬНИХЪ ЛѢТЪ

и

ОЧЕРКИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.

Изъ расказовъ моего дяди.

1812—1814.

О родина святая!
 Какое сердце не дрожить,
 Тебя благословляя?
 В. А. Жуковскій.

ВЕРСТАХЪ въ двухъ отъ небольшого городка Корчевы, расположеннаго по берегу Волги, находится большое село Новоселье, — одно изъ роскошнѣйшихъ имѣній Тверской губерніи, Корчевскаго уѣзда, нѣкогда

принадлежавшее отцу моей матери. Березовая аллея, въ четыре ряда, шла отъ Корчевы до барскаго новосельскаго дома. Домъ этотъ съ обширнымъ дворомъ, флигелями и широкими террасами, съ трехъ сторонъ былъ окруженъ огромнымъ паркомъ. Передъ одной изъ террасъ находился прудъ, отъ котораго лучеобразно разходились тѣнистыя, липовыя аллеи. Аллеи прерывались площадками, по угламъ которыхъ стояли гипсовыя и мраморныя статуи мифологическихъ боговъ и бюсты великихъ людей. Съ двухъ сторонъ пруда зеленѣли сосновыя и березовыя рощи. Въ одной изъ этихъ рощицъ находился англійскій домикъ, тамъ, въ первой комнатѣ васъ встрѣчалъ стоящій на пьедесталѣ мраморный Амуръ, съ прижатымъ къ губамъ пальчикомъ. Въ трехъ другихъ комнатахъ находилась избранная библіотека, фортепьяно, биллиардъ и вездѣ роскошная мебель. Надъ однимъ изъ дивановъ висѣла на стѣнѣ, въ золотой рамѣ, копія Тиціановой Венеры въ настоящій ростъ. Картина эта была задернута зеленымъ флеромъ.

Въ паркѣ встрѣчались то гротъ, то бесѣдка, то пустынька оклеенная мохомъ. Тамъ попадался холмъ, тутъ ручеекъ, фонтанъ, канавка, съ перекинутымъ черезъ нее мостомъ, и вездѣ зеленыя скамейки для отдыха. Паркъ прилегалъ къ бору, отъ котораго отдѣлялся широкой канавою, полной воды; окраины этой канавы всегда были осыпаны самыми свѣжими незабудками, ландышами, заячьей капусткой и кукушкиными слезками.

За паркомъ находились оранжереи съ цвѣтами, персиками, абрикосами и грунтовые сараи съ вишнями, яблоками, грушами и бергамотами. Въ парникахъ зрѣли — ананасы, дыни, арбузы; въ куртинахъ — малина, смородина, клубника. Дальше тянулись гряды огорода съ овощами, душистыми травами — и жилища садовниковъ. Передъ окнами барскаго дома разбиты были прелестныя цвѣтники, какъ бы залитые разнородными кустами бѣлыхъ и розовыхъ розоновъ и другими ароматными цвѣтами.

Въ 1810 году, въ одной изъ комнатъ новосельскаго дома, 25 іюля, въ четыре часа по полудни, родилась здоровая дѣвочка—дѣвочка эта была я. Вступленіе мое въ Божій свѣтъ встрѣчено было съ любовью не только что окружавшими меня людьми, но какъ будто и самой природой. День былъ прекрасный, какъ мнѣ рассказывали впослѣдствіи; изъ парка доносились голоса птичекъ и сливались съ моими первыми младенческими криками; сквозь опущенныя на окна жалюзи, лучи солнца, отражая колебавшіеся за окнами листочки деревьевъ, какъ бы заигрывали со мной.

Крестили меня въ новосельской церкви и дали имя Татьяны, въ честь моей бабки, крестной матери. Крестнымъ отцемъ былъ мой дѣдъ. За отсутствіемъ дѣда, мѣсто его занималъ одинъ сосѣдъ, пріятель нашего семейства. Въ церковь меня несла, подѣ кисейнымъ одѣяломъ, на розовой подкладкѣ съ широкими кружевами—кормилица, изъ новосельскихъ крестьянокъ; рядомъ съ кормилицей шла старушка няня, малороссіянка, присланная для меня заранѣе дѣдомъ моимъ изъ Кременчуга, гдѣ онъ занималъ почетное мѣсто по службѣ. *) Няня несла красивую корзинку съ дѣтскимъ крестильнымъ нарядомъ и богатыми ризками. Поверхъ всего блестѣлъ золотой крестъ, на золотой цѣпочкѣ, присланный дѣдомъ и другой на розовой ленточкѣ отъ подставнаго кума. Няня со вздохомъ замѣтила, что два креста предвѣщаютъ много крестовъ въ жизни новорожденной.

Замѣчаніе няни оправдалось.

Рядомъ съ кумомъ выступала парадно одѣтая кума. Шествіе завершала многочисленная прислуга. Въ церкви насъ встрѣтилъ хоръ пѣвчихъ.

Въ Новосельѣ находилилось при разныхъ должностяхъ до ста человѣкъ прислуги во дворѣ и при комнатахъ. Изъ нихъ было 15 человѣкъ музыкантовъ и столько же пѣвчихъ.

Возвратясь въ домъ, меня передали моей матери вмѣстѣ

*) Онъ былъ генераль-провіантмейстеромъ южнаго края Россіи.

съ подарками. Въ ея спальной меня ожидала колыбель, подъ шелковымъ пологомъ, и глубокая тишина. Полъ и стѣны этой комнаты были обиты зеленымъ сукномъ, что скрадывало какъ звуки голоса, такъ и шаги входившихъ и выходившихъ.

Дѣдъ прислалъ моей матери въ подарокъ саксонскій фарфоровый столовый сервизъ, разрисованный розами, и какой-то матеріи на платье, а мнѣ на рубашки кусокъ батиста, на пеленки голландскаго полотна, да штуку розовой матеріи на теплыя одѣяльца и капотецъ. Братъ моей матери, служившій въ Петербургѣ, подарилъ мнѣ серебряную суповую чашечку, вызолоченную внутри, такую же кастрюлечку на кашу съ моими вензелями и золотую ложечку.

Первое время моего младенчества проходило въ Новосельѣ подъ попеченіемъ бабушки. Отъ времени до времени мать моя брала меня вмѣстѣ съ кормилицей на нѣсколько дней въ Корчеву, гдѣ у отца моего былъ домъ съ садомъ, огородомъ и обширнымъ дворомъ, обнесеннымъ надворными строеніями. Большею частію она возвращала меня въ Новоселье больною. По молодости и неподготовкѣ къ материнскимъ обязанностямъ, она не рѣдко вредила мнѣ своей любовью и неопытностью. Заигравшись со мной, укладывала не во время спать; раздраживши до слезъ, чтобы успокоить, кормила сладостями; когда я тянулась къ лужѣ блестящей на солнцѣ, снимала съ меня рубашенку, сажала въ лужу и любовалась, какъ я плещу въ водѣ рученками. Она думала, что простота жизни укрѣпитъ мое здоровье; но здоровье мое отъ ваннъ въ лужѣ не укрѣплялось, а разстроивалось. Однажды я едва не умерла, простудившись въ лужѣ.

Вмѣстѣ со мною въ Новосельѣ проводилъ первое дѣтство и старшій братъ мой—Алеша, тихій, неповоротливый ребенокъ—любимецъ бабушки. Я прожила у бабушки около двухъ лѣтъ. Какъ бы сквозь утренній туманъ представляется мнѣ наша дѣтская комната въ Новосельѣ, раздѣленная на двѣ половины колоннами; за колоннами—двѣ маленькія кровати. Солнце закатывается, лучи его широкой полосой падаютъ

сквозь итальянское окно на полъ; тѣни всѣхъ предметовъ вытягиваются. Зайчикъ радужнымъ кружкомъ мелкаетъ по стѣнѣ, старушка няня вертитъ въ рукѣ хрустальную подвѣску, упавшую съ люстры, радуется какъ я ловлю зайчика и дивлюсь, что онъ убѣгаетъ изъ подъ наджавшей его ручки.

Изъ-за дѣтской какъ бы выдвигается терраса, прудъ, паркъ, аллеи липъ, на террасѣ прелестная молодая женщина—это моя мать, я играю подлѣ нее на полу, вотъ она беретъ меня на руки, расчесываетъ мои длинные, бѣлокурые волосы и собирается ихъ стричь, я плачу, не даюсь—меня сѣкутъ прутомъ и стригутъ.

Въ сторонѣ отъ пруда, въ сосновой рощѣ, блеснулъ огонекъ; на сложенныхъ въ клѣтку кирпичикахъ двѣ старушки няни пекутъ на огонькѣ сыроѣжки, подлѣ нихъ, на подушкѣ, сидитъ мой братъ, изъ маленькой повозочки выглядываю я. Деревья шумятъ, кричатъ иволги, кукуетъ кукушка и все куда-то тонетъ, тонетъ и замѣняется широкимъ дворомъ, дворъ поросъ высокой травой и цвѣтами. Я играю на дворѣ съ какими-то ребятишками и валяюсь среди лиловыхъ колокольчиковъ, дремы и букашекъ.

Цѣлые ряды едва уловимыхъ картинъ то яснѣютъ, то скрываются какъ бы въ глубокую ночь.

Но вотъ на дальнемъ горизонтѣ какъ бы занимается утро, освѣщаетъ узенькую комнату и маленькую кроватку. Подъ бѣлой кисейной занавѣской спитъ трехлѣтняя дѣвочка—дѣвочка эта я, меня будитъ громкій, оживленный разговоръ въ комнатѣ рядомъ съ дѣтской и ребяческій голосъ. Въ одной рубашенкѣ, босикомъ я встаю съ постели, растворяю дверь и останавливаюсь на порогѣ. У большаго стола стоитъ моя мать, а подлѣ нея молодая дама, онѣ держатъ за ручки стоящаго на столѣ ребенка и надѣваютъ на него мой теплый, левантиновый капотецъ, стального цвѣта. Огорченная этимъ зрѣлищемъ, я громко реву и обращаю на себя общее вниманіе. Вѣроятно страхъ лишится любимаго ка-

потца такъ отчетливо запечатлѣлъ этотъ случай въ моей памяти.

Мнѣ помнится или скорѣе я слышала, что мать моя, увидавши мои горькія слезы, взяла меня на руки и уговаривала не плакать, а я, указывая на ребенка, усѣвшагося спокойно въ моемъ капотцѣ на столѣ, ревѣла пуще прежняго. Думая меня тронуть и разжалобить, мнѣ говорили, что это дитя мнѣ родня, зовутъ его Сашей, что ему отдали мой капотецъ потому, что у него отняли все французы, и ему нечего надѣтъ, а я должна съ радостью отдать ему не только что капотецъ, но подѣлиться платицами и рубашечками, а жадничать стыдно. Но сколько ни стыдили меня, сколько ни старались возбудить во мнѣ добродѣтельные чувства и склонить на дружбу съ Сашей, я ничего не стыдилась, ничѣмъ не трогалась и продолжала ревѣть.

Когда я нѣсколько утихла, мать Саши приласкала меня и посадила подлѣ него на столѣ, чтобы мы познакомились и поцѣловались. Я поцѣловала его, надувши губы и такъ толкнула, что онъ чуть не слетѣлъ со стола; за этотъ толчекъ—другимъ толчкомъ меня со стола согнали.

Впослѣдствіи я узнала, что родители Саши, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, какъ я увидала ихъ, пріѣхали въ Новоселье изъ Москвы, куда вступилъ съ войскомъ Наполеонъ, что они намъ близкіе родственники, поэтому и проживутъ нѣсколько времени въ Новосельѣ. Мать моя, узнавши о пріѣздѣ родственниковъ, тотчасъ навѣстила ихъ, а вечеромъ Сашу и его мать привезла въ Корчеву, чтобы пополнить имъ гардеробъ, такъ какъ французы ихъ совсѣмъ ограбили.

Родители Саши пріѣхали въ Москву изъ чужихъ краевъ въ началѣ 12 года.

Россія была въ волненіи; Наполеонъ съ соединенными силами приближался къ Москвѣ. Многіе изъ жителей Москвы, въ томъ числѣ и нѣкоторые изъ нашихъ родственниковъ выѣхали изъ нее. Они совѣтовали и отцу Саши не медлить. Но онъ собираясь да откладывая—просбирался до 3 сентября.

3-го сентября, совсѣмъ готовые къ дорогѣ, они приказали укладывать въ экипажи вещи и закладывать лошадей, а сами сѣли пообѣдать, какъ во время обѣда, камердинеръ встревоженнымъ голосомъ доложилъ, что дворникъ, ѣздившій за водой, возвратился безъ бочки и безъ лошадей, что ихъ отняли у него французы. Всѣ въ испугѣ встали изъ-за стола и подойдя къ окну увидали французскихъ драгунъ, въ каскахъ съ конскими хвостами, идущихъ по Тверскому бульвару и скачущихъ верхомъ по улицѣ.

Вскорѣ домъ, въ которомъ они находились, загорѣлся; они вышли изъ него, двое сутокъ бродили изъ дома въ домъ по улицамъ пылавшей Москвы, и только благодаря участію герцога Тревизскаго, губернатора Москвы, котораго отецъ Саши знавалъ еще въ Парижѣ, они пріютились наконецъ въ одномъ изъ уцѣлѣвшихъ домовъ на Тверской площадѣ.

Заставы въ Москвѣ были закрыты, и выѣздъ изъ нея запрещень.

9-е сентября, императоръ французовъ, помѣстившійся въ Кремлевскомъ дворцѣ, узнавши о желаніи отца Саши получить пропускъ изъ Москвы, приказалъ ему явиться къ себѣ и принялъ его въ тронной залѣ русскихъ царей.

Послѣ обычныхъ фразъ, Наполеонъ сталъ жаловаться на пожары, говорилъ, что не онъ, а русскіе жгутъ Москву, что онъ былъ во всѣхъ столицахъ Европы и не сжегъ ни одной.

Потомъ разбранилъ, за глаза, бывшаго губернатора Москвы—Ростопчина, называлъ его вандаломъ, сумасшедшимъ, хвалилъ Россію, упрекалъ зачѣмъ опустошаютъ ее по пройденному имъ пути, хвалилъ русскихъ офицеровъ и солдатъ и осуждалъ Польшу зачѣмъ она передалась ему. Увѣрялъ въ своей любви къ миру, жаловался, что его мирныя распоряженія неизвѣстны государю; что если государь пожелаетъ мира, то ему стоитъ только дать знать, онъ тотчасъ же пошлетъ къ нему Лористона или Нарбона, и миръ будетъ заключень.

ФОНТАНЪ ВЪ САДУ.

— Я сдѣлалъ все что могъ, продолжалъ Наполеонъ, посылалъ къ Кутузову, но онъ не вступаетъ ни въ какіе переговоры, не доводитъ до свѣдѣнія государя моихъ предложений, хотятъ войны—не моя вина—будетъ имъ война. Мы пойдемъ и въ Петербургъ, и Петербургу достанется тоже что и Москвѣ.

Тутъ рѣчь Наполеона прервалась, и онъ замочалъ.

Отецъ Саши, пользуясь передышкой, напомнилъ ему о своемъ желаніи получить пропускъ для выѣзда изъ Москвы.

Послѣ возраженій на выѣздъ и упрековъ русскимъ, Наполеонъ сказалъ:

— Хорошо. Я напишу письмо къ императору Александру, а вы отвезете его въ Петербургъ.

По неволѣ пришлось согласиться.

Какъ только получено было это письмо, такъ они и оставили Москву. Отецъ Саши проѣхалъ въ Петербургъ, а семейство его отправилось въ ихъ деревню, гдѣ они прожили всю зиму, за неимѣніемъ дома, въ деревенской избѣ, весной явились въ Новоселье, и только спустя года полтора—возвратились въ Москву.

Время пребыванія Саши и его матери въ Новосельѣ представляется мнѣ точно въ туманѣ, сквозь который изрѣдка прорѣзываются довольно яркія картины.

Что же было въ этотъ періодъ моей жизни съ Россією, то я узнала большею частью изъ безконечныхъ толковъ, рассказовъ, картинокъ, а впоследствии — и изъ книгъ.

Помнится мнѣ, какъ бы во снѣ, что какъ-то разъ вечеромъ, меня вынесли въ галлерею, гдѣ собрались всѣ наши домашніе, и въ страхѣ указывая на разлившееся по небу зарево, говорили съ трепетомъ „Москва горитъ!“

Гораздо отчетливѣе представляется мнѣ комета 12-го года и ея длинный лучистый хвостъ. Часто смотрѣли мы, какъ она ярко горитъ бывало въ темносинемъ небѣ, осыпанная со всѣхъ сторонъ звѣздами. Народъ называлъ ее „Божіей метлой“ и каждый вечеръ толпы выходили на улицы смо-

трѣть на нее и толковали, что звѣзда съ хвостомъ не къ добру ходитъ по небу.

Вмѣстѣ съ толками о кометѣ шли разговоры о французахъ, о сраженіяхъ и плѣнныхъ. Но вскорѣ все это какъ бы задернулось тихой жизнью въ Корчевѣ и Новосельѣ. Я съ матерью бывала въ Новосельѣ почти безвыѣздно съ того дня, какъ плакала о своемъ левантиновомъ капотѣ.

Въ это время меня сильно огорчало то, что вниманіе всѣхъ обращено было на маленькаго, слабаго здоровьемъ Сашу, а меня какъ будто забывали; я ласкалась къ матери, чтобы напомнить о себѣ, и когда она говорила мнѣ, чтобы я поиграла съ Сашей, то въ угожденіе ей начинала передъ нимъ пѣть и прыгать.

Мало по малу я стала привыкать къ этому ребенку и даже любить его, видя какъ онъ радовался, когда я подбѣгала къ нему, и обнималъ меня своими маленькими рученками. Какъ только онъ началъ ходить, я вмѣстѣ съ его няней держала его за ручку; когда его катали въ колясочкѣ по парку, бѣжала подлѣ.

Проѣзжая мимо канавы, отдѣлявшей паркъ отъ лѣса, этого любимаго моего мѣста, я бѣжала къ канавѣ, рвала цвѣты и травы и приносила ихъ ему въ повозочку, однѣ незабудки останавливали меня. Онѣ были до того свѣжи и крупны, что когда я наклонялась, чтобы срывать ихъ, то мнѣ казалось, что онѣ смотрятъ на меня своимъ лазоревымъ взоромъ и говорятъ: „не рви насъ, мы живемъ“.

Гуляя цѣлые дни по парку, мы всегда останавливались на отдыхъ въ англійскомъ домикѣ и располагались на широкихъ диванахъ въ зеленой комнатѣ. Забавляя Сашу, а больше себя, я прыгала, каталась по диванамъ, и часто разгравшись, поднимала такой шумъ, что выводила всѣхъ изъ терпѣнія, чтобы унять меня няня прибѣгала къ разъ удавшемуся ей средству.

— Вотъ постоитъ, говорила она, баба-яга сойдетъ со стѣны и съѣстъ васъ, за то что не слушаетесь.

Съ этими словами она отдергивала зеленый флеръ, которымъ закрыта была картина Венеры.

Зная изъ сказокъ, что такое баба-яга, я въ испугѣ спрыгивала съ дивана и инстинктивно ретировалась къ окну, чтобы въ случаѣ бѣды изъ окна выпрыгнуть и убраться за добро-здорово.

Когда родные наши уѣхали изъ Новоселья, я долго тосковала по нимъ. Зимой матушка поѣхала со мной въ Москву, навѣстить возвратившихся туда ея погорѣвшихъ тетокъ, которыхъ она очень любила и уважала. Я помню довольно отчетливо разоренную Москву, обгорѣвшіе дома, развалины передъ окнами квартиры нашихъ родныхъ и начинавшія возникать новыя постройки. Помню постоянные разговоры о разоренныхъ жителяхъ Смоленска, слезы о павшихъ въ битвахъ, восторженные рассказы объ отличившихся герояхъ и состраданіе къ несчастнымъ плѣннымъ. Увлеченная общимъ потокомъ сочувствія ко всему страдающему, а можетъ и своимъ дѣтскимъ сердцемъ, я чуть было не сбыла все наше серебро остановившимся у нашего окна плѣннымъ швейцарцамъ.

Зимой 1817 года пріѣхалъ къ намъ изъ арміи двоюродный братъ моего отца, красивый, добродушный, еще довольно молодой человѣкъ. Онъ сдѣлалъ всю кампанію, былъ сильно раненъ, взялъ отпускъ, чтобы лечиться и поселился у насъ до выздоровленія. Въ долгіе зимніе вечера я съ увлеченіемъ слушала его рассказы о взятіи французами Смоленска, пожарѣ Москвы, о сраженіяхъ подъ Бородинымъ, Тарутинѣ, Красномъ; о переходѣ Наполеона черезъ Березину и его бѣгствѣ со всей своей сборной арміей изъ Россіи. Эти рассказы, поражавшіе мое дѣтское воображеніе, вмѣстѣ съ заревомъ московскаго пожара и таинственной кометой, съ блестящемъ хвостомъ въ полъ-неба, вмѣстѣ съ русскими сказками и со сказками изъ „тысячи и одной ночи“ сдѣлались моей илліадой, моимъ волшебнымъ міромъ.

Чтобы сдѣлать свои рассказы понятнѣе для меня, дядя

накупилъ мнѣ множество выходившихъ тогда картинокъ сраженій, портреты отличившихся воиновъ и каррикатуры на французовъ. Картины эти расходились тысячами, покупались народомъ на послѣднія деньги. Онѣ возбуждали ненависть къ непріятелю и поднимали народный духъ. Такъ какъ многія изъ этихъ картинъ были не раскрашены, то дядя подарилъ мнѣ большой ящикъ превосходныхъ водяныхъ красокъ, съ кисточками и фарфоровыми чашечками, и я усердно расмалеровала ими мою картинную галлерею, въ которой больше всего обращали на себя мое вниманіе каррикатуры, и какъ было не любоваться ими!

Какъ было не дивиться, какъ было не задуматься! вотъ:

Французскій войяжеръ 1812 года.

Наполеонъ, въ огромныхъ валенкахъ, скорчившись отъ стужи, ѣдетъ въ салазкахъ, въ одиночку на свинѣ.

Зимнія квартиры.

Наполеонъ и его армія сидятъ по шею въ снѣгу. Два маршала спрашиваютъ: „что прикажете написать въ бюллетенѣ“? Пишите—„остановились на зимнихъ квартирахъ“.

Французы испугались козы.

Четыре француза сидятъ въ избѣ за столомъ. Въ хлѣву заблелъ коза. На вопросъ французовъ: „кто это кричитъ“? старуха отвѣчаетъ: „коза, родимые“. „Казакъ“!—вскричали въ испугъ французы и бросились вонъ изъ избы, — опрокинули столъ и все что на немъ было.

Басня: волкъ въ овчарнѣ.

6 ноября, на другой день сраженія при Красномъ, въ которомъ уничтожили корпусъ Даву, Кутузовъ сидѣлъ на коврѣ окруженный офицерами и читалъ имъ торжественно новую басню Крылова: Волкъ въ овчарнѣ. Когда дошло до словъ: „ты сѣръ, а я пріятель сѣдъ“, Кутузовъ снялъ фуражку съ сѣдой головы своей,—раздалось громкое „ура“!

Попляши подъ нашу дудку.

Наполеонъ съ маршаломъ пляшутъ въ присядку; крестья-

нинъ подстегиваетъ его кнутомъ, другой подгоняетъ маршала розгами.

Сзади всѣхъ крестьянскій паренъ наигрываетъ на дудкѣ:

„Ахъ тошно мнѣ
На чужой сторонѣ“.

Угощеніе Наполеону въ Россіи.

Наполеонъ провалился въ кадку съ „калужскимъ тѣстомъ“. На головѣ у него вѣнокъ изъ калачей на веревочкѣ, солдатъ засовываетъ ему въ ротъ пряникъ съ надписью „Вязьма“; другой наливаетъ въ стаканъ сбитню, „вскипаченаго на московскомъ пожарѣ“, казакъ подсыпаетъ въ стаканъ перцу.

Ретирада французскихъ генераловъ.

Генералы улепетываютъ въ простыхъ дровняхъ, на парѣхъ, скорчившись отъ холода, кто въ салопѣ, кто въ дамской шляпѣ.

Наполеонъ бесѣдуетъ съ сатаной послѣ сожженія Москвы и взрыва кремлевскихъ стѣнъ.

Мыльные пузыри.

Наполеонъ, сидя на бочкѣ, пускаетъ мыльные пузыри. На одномъ надпись: „Порабощеніе Англіи“, на другомъ „Походъ въ Индію“, на третьемъ— „Взятіе Петербурга, взятіе Риги—взятіе Калуги“.

На соломенкѣ виситъ пузырь огромный: „Завоеваніе четырехъ частей свѣта“.

Секретарь Наполеона выпустилъ изъ рукъ перо отъ удивленія.

Вдали нѣсколько зѣвакъ глазѣютъ на пузырь въ лорнеты.

Наполеонова слава.

Попалась въ просакъ! русскій солдатъ снялъ съ нея маску. Казакъ нагайкой охлесталъ всѣ лавровые вѣнцы ея, а Вавило-морозъ заткнулъ снѣгомъ ея громкую трубу.

Хлѣбосоольство русскаго народа.

Солдаты Витгенштейна отдаютъ свою порцію голоднымъ французскимъ плѣннымъ.

Изгнаніе изъ Москвы французскихъ модистокъ.

Стоить верстовой столбъ съ надписью: „дорога въ Парижъ“.

Внизу подпись: Нигдѣ по дорогамъ не задерживать, а съ честью проводить.

Двѣ крестьянки и мальчишка бѣгутъ за модистками съ ухватами, плетью, метлой, сзади стоитъ крестьянинъ съ граблями.

Бабы бьютъ французскихъ мародеровъ.

Три бабы бьютъ французскихъ мародеровъ ухватами и лаптемъ. Крестьянинъ гонитъ мародера топоромъ.

Русскій Спевола.

Вступавшимъ на службу Наполеона накладывали на руку клеймо, такое клеймо наложили на руку одного русскаго крестьянина. Онъ эту руку себѣ отсѣкъ топоромъ, чтобы не служить французамъ.

Морозъ Вавила на заячей охотѣ.

Ратникъ, съ крестомъ на шапкѣ, гонитъ метлой и вилами стадо зайцевъ съ человѣческими головами въ треуголкахъ.

Въ новый годъ мнѣ подарили азбуку съ надписью: подарокъ на 1812 годъ русскимъ дѣтямъ. Азбука эта состоитъ изъ 24-хъ картинокъ, подъ каждой двустипіе начинающееся съ одной изъ буквъ азбуки.

Сверхъ огромной коллекціи этихъ грошовыхъ въ то время картинъ, у меня были стихи и пѣсни патріотическія и сатирическія.

Изъ пѣсенъ на Наполеона больше всѣхъ была распространена:

Пляска Наполеона.

За горами, за долами,

Бонапарте съ плясунами

Вздумалъ вровень стать,

Куда конь съ копытомъ мчится,

Рагъ туда жъ съ клещей тащится

И давай плясать.

Не впопадъ пошедъ англезу,
Вздумалъ, бросивъ экосезу,
Польскую пройтись.
Скоро польскимъ онъ наскучилъ
Музыкантовъ перемучилъ:
Самъ на Русь пойду.
Тамъ я барыней пройдуся,
Фертомъ въ боки подопруся,
Пляску заведу.
Знавши вывертки французски,
Заиграть велѣлъ по-русски
Музыкѣ своей.
Наши грянули по свойски,
Мы не знаемъ по заморски,
Нутка казачка!
Чуть прослышалъ корсиканецъ:
Провались проклятый танецъ,
Дастъ онъ мнѣ толчка.
Видно франтъ ты изъ французовъ,
Говорить ему Кутузовъ,
Нѣтъ, братъ, погоди!
Захотѣлъ плясать по-русски,
Присѣдай-ка по-французски
Ты Наполеонъ!
Бонапарте не до пляски,
Растерялъ свои подвязки
Хоть кричать пардонъ.
Сталъ онъ въ стороны кидаться,
Мелкимъ бѣсомъ разсыпаться,
Дрогнула нога!
Его музыки не стало,
Скрипокъ будто не бывало
Пляска дорога!
Морганулъ онъ Колленкуру,
Семъ-ка выкинемъ фигуру
На цыганскій ладъ.
Бросивъ пышныя ухватки,
По цыгански, безъ оглядки
Шаркнули назадъ.

Голосъ этой пѣсни плясовой. Ее пѣли въ гостиныхъ, въ дѣвичьей, въ передней, въ избахъ и за воротами; играли на

фортепьянахъ, на гитарѣ и на балалайкѣ. Въ народѣ молодежки выкидывали подѣ нее присядку.

Я съ увлеченьемъ пѣвала:

„Бонапарту не до пляски,
„Растерялъ свои подвязки“.

И радовалась что ему достанется за это, такъ какъ мнѣ доставалось, когда я теряла свои подвязки.

Вслѣдствіе всѣхъ разсказовъ, картинъ, пѣсенъ, всеобщаго одушевленія и возбужденной ненависти къ французамъ, я вмѣстѣ съ старымъ другомъ моимъ, нашей ключницей, бывшей кормилицей моего отца, чрезвычайно обрадовалась когда услыхала что Бонапарта поймали и запрятали куда-то далеко на островъ.

Приближалось Рождество. Снѣгъ выпалъ глубокій, мели мятели. Все было бѣло, пусто, тихо. Домики нашего городка точно потонули въ снѣгу и казались совсемъ маленькими. Обширный дворъ и садъ до того занесло снѣгомъ, что проѣздъ къ дому расчищали, привлекая снѣгъ къ глухому бревенчатому забору огорожавшему наши владѣнья. Отъ кухни, людскихъ, погребовъ, амбаровъ прорыты были узенькія тропинки во всѣ стороны; такія же тропинки шли къ банѣ, къ саду, пролегая посреди длинной аллеи березъ, обнаженныя вѣтки которыхъ были обвѣшаны мохнатыми ключьями снѣга. Въ саду была тишина, только синицы порхали по деревьямъ и осыпали съ вѣтокъ снѣгъ, да прыгали и стрекотали сороки, треща упавшими сухими вѣтками. Кругомъ все было безмолвно и глухо. Изрѣдка хрустѣлъ снѣгъ подѣ ногами прохожаго, или скрипѣли отъ мороза санки подѣхавшаго къ крыльцу сосѣда. Морозы стояли трескучіе. Стекла въ окнахъ затуманило, разрисовало снѣжными узорами и покрыло густо инеемъ. Дни наступили короткіе. Чуть разсвѣтетъ,—не успѣешь поиграть, и сумерки. Обѣдали мы со свѣчами, послѣ обѣда шли въ кабинетъ отца. Тамъ уже топился каминъ, и кипѣлъ блестящій самоваръ. Матушка садилась къ самовару, наливала чай, а отецъ

и еще не оправившійся отъ ранъ дядя покойно умѣщались на длинномъ, широкомъ турецкомъ диванѣ; мы съ братомъ забирались, каждый, въ глубокое кресло, около маленькаго столика, подлѣ дивана, на которомъ дымились стаканы съ горячимъ золотистымъ чаемъ и внимательно слушали рассказы дяди изъ отечественной войны. Глубокая тишина нарушалась только его пріятнымъ голосомъ. Порой трещала въ каминѣ вновь вспыхнувшая береста, оторвавшись отъ полѣна, да отвлекалъ наше вниманіе мѣсяцъ, заглядывавшій въ окна кабинета. Ночи стояли свѣтлыя, лучи мѣсяца милліонами искръ разсыпались по чистому снѣгу и бриліантами играли въ причудливыхъ узорахъ замерзлыхъ оконъ.

Рассказы дяди западали мнѣ въ душу. Тонъ этихъ рассказовъ, ихъ живость, картинность и анекдоты военной жизни утратились. Но объемъ цѣлаго и внутреннее содержаніе всего удержалось сколько возможно. Чтобы передать рассказы дяди въ легкихъ очеркахъ, я пополняла ихъ тѣмъ, что слышала впослѣдствіи, и что читала объ этомъ блестящемъ времени нашей родины.

Вильна.

I.

Все готовилось къ войнѣ съ французами. Ждали, ждали и ждать перестали; стали думать какъ бы пріятнѣе провести время. Лѣтомъ 1812 года, императоръ Александръ Павловичъ уѣхалъ въ Вильну, дѣлать смотръ войску и маневры. Балы, праздники давались одни за другими, то государемъ, то придворными, то польскими магнатами.

13-го іюля, генераль-адъютанты давали государю праздникъ—въ загородномъ домѣ графа Бенигсена—Закретѣ, съ обѣдомъ, катаньемъ на лодкахъ, фейерверкомъ и баломъ.

Въ самый разгаръ бала, генераль-адъютантъ Балашевъ сообщилъ государю, что Наполеонъ съ многочисленнымъ войскомъ перешелъ рѣку Нѣманъ. Это возмутило и оскорбило государя. Взволнованный до глубины души, онъ ска-

заль „не помирюсь до тѣхъ поръ, пока хотя одинъ воору-
женный французъ останется на русской землѣ“.

На другой день было написано письмо Наполеону. Въ немъ государь выразилъ свое неудовольствіе за то, что онъ, не объявивъ войны, неожиданно перешелъ русскую границу, нарушивъ мирныя отношенія, и что если онъ выведетъ свои войска изъ его владѣній, то государь оставитъ его поступокъ безъ вниманія, иначе будетъ принужденъ отразить ничѣмъ невызванное нападеніе.

Письмо было отправлено Наполеону съ Балашевымъ.

На другой день Балашевъ былъ у передовой пѣпи, по сю сторону Нѣмана. Гусарскій полковникъ проводилъ его дальше. Узнавши о порученіи Балашева, онъ сказалъ ему, что вѣроятно его немедленно представятъ императору; но его представили императору французовъ не скоро. Балашева четыре дня везли съ багажемъ маршала Даву и съ французскимъ войскомъ и привезли обратно въ Вильну, куда въѣхалъ онъ въ ту же заставу, изъ которой четыре дня тому назадъ выѣхалъ, и представленъ былъ Наполеону въ томъ самомъ домѣ, изъ котораго его отправилъ государь.

Государь изъ Вильны выѣхалъ, и войска наши отступили. Вильну заняли французы.

Пышность двора Наполеона поразила Балашева. Въ пріемной императора дожидались генералы, камергеры, польскіе магнаты, многихъ изъ нихъ Балашевъ недавно видѣлъ при дворѣ императора Александра.

Дежурный камергеръ пригласилъ Балашева въ малую пріемную, изъ которой вела дверь въ кабинетъ. Дверь эта отворилась — вошелъ Наполеонъ. Онъ былъ невысокъ ростомъ, широкоплечъ, съ круглымъ выдающимся животомъ и грудью впередъ. Короткіе волосы одной прядью спускались на лобъ, полная, бѣлая шея рѣзко выдѣлялась изъ-за чернаго воротника его синяго мундира, раскрытаго надъ бѣлымъ жилетомъ. На полныхъ, короткихъ ногахъ, обутихъ въ ботфорты, были натянуты лосинные панталоны. Отъ него сильно

пахло оде-колономъ, которымъ онъ каждый день весь вытирался.

Въ лицѣ Наполеона выражалась увѣренность, что все зависитъ отъ его воли.

Онъ коротко и ясно сталъ высказывать свое неудовольствіе противъ русскаго правительства, говорилъ, что онъ войны не желалъ, а его вызвали, что онъ готовъ вступить въ переговоры и въ то же время придирался къ мелочамъ, чтобы обвинять.

— Я желаю знать, продолжалъ онъ, чего требуютъ отъ меня, чтобы начать переговоры.

— Отступленія войскъ за Нѣманъ, государь, сказалъ Балашевъ.

— За Нѣманъ, повторилъ Наполеонъ, только за Нѣманъ! если бы вы давали мнѣ Москву и Петербургъ — я не принялъ бы этихъ условій. Потомъ сталъ говорить не о томъ, чтобы обсудить возможность мира, а только доказать, что онъ правъ, а государь ошибается; чтобы себя возвысить, а государя оскорбить.

— Уже недѣля, продолжалъ Наполеонъ, какъ началась война, а вы не сумѣли защитить Вильны. Вы разрѣзаны на трое и прогнаны изъ польскихъ провинцій, армія ваша ропщетъ. Балашевъ хотѣлъ возражать, но Наполеонъ перебилъ его.

— Я все знаю, знаю число вашихъ батальоновъ, такъ же какъ свои. У васъ нѣтъ 200 тысячъ войска, а у меня втрое, по эту сторону Вислы. У васъ есть союзники, шведы и турки — да что мнѣ ваши союзники? у меня союзники поляки. Ихъ будетъ 200 тысячъ и дерутся какъ львы.

Если вы поколеблете противъ меня Пруссію, я сотру ее съ карты Европы, да — „заброшу васъ за Двину, за Днѣпръ. Вотъ что съ вами будетъ. Вотъ что вы выиграли, удалившись отъ меня“.

Наполеонъ былъ блѣденъ, замолчалъ, прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, вынималъ изъ жилета табакерку, подносилъ къ носу и клалъ обратно.

Балашевъ, пользуясь молчаніемъ Наполеона, замѣтилъ, что дѣла Россіи не такъ мрачны, какъ онъ представляетъ.

Наполеонъ молча, насмѣшливо посмотрѣлъ на него, и когда Балашевъ кончилъ, топнулъ ногой въ полъ, дверь изъ кабинета отворилась, одинъ камергеръ подалъ ему шляпу и перчатки, другой—носовой платокъ. Наполеонъ ѣхалъ прогуливаться. Обратясь къ Балашеву, онъ сказалъ:

— Увѣрьте императора Александра, что я ему преданъ по прежнему и высоко цѣню его качества. Я передамъ вамъ письмо къ императору; сказавши это, быстро пошелъ къ двери. Изъ передней всѣ бросились впередъ по лѣстницѣ.

На другой день Балашевъ былъ приглашенъ къ обѣду императора. Наполеонъ встрѣтилъ его весело и ласково. Повидимому онъ былъ увѣренъ, что все, что онъ ни дѣлаетъ—прекрасно, и что всѣ должны находить это прекраснымъ.

Прогулкой своей по Вильнѣ онъ былъ вполне доволенъ. Толпы народа встрѣчали и провожали его съ восторгомъ. Окна домовъ были убраны матеріями, коврами, знаменами и его вензелями. Дамы махали ему изъ оконъ платками.

Послѣ обѣда Балашевъ откланялся.

Наполеонъ вручилъ ему письмо къ императору Александру.

Балашевъ передалъ письмо государю и всѣ подробности своего свиданія съ Наполеономъ.

Война началась.

Въ Смоленскѣ.

II.

Армія наша была раздѣлена на четыре части и стояла въ разныхъ мѣстахъ.

1-й арміей командовалъ Барклай-де-Толли.

2-й—князь Багратионъ.

Первая армія находилась въ укрѣпленномъ лагерѣ, расположенномъ по обѣимъ сторонамъ рѣки Дриссы. Лагерь этотъ простирался на десять верстъ и занималъ лучшіе дома

въ окрестныхъ деревняхъ. Предполагалось тутъ укрѣпиться и не пропускать Наполеона въ глубь Россіи.

При первой арміи находился и самъ императоръ, не въ качествѣ главнокомандующаго, а для того, чтобы своимъ присутствіемъ воодушевлять войско. Но присутствіе государя стѣсняло свободу дѣйствій начальствующаго арміей, поэтому государственный секретарь Шишковъ написалъ Александру I-му письмо, которое подписали Балашевъ и Аракчеевъ. Въ письмѣ онъ почтительно предлагалъ государю оставить войско и ѣхать въ столицу—одушевлять къ войнѣ народъ. Представленіе это было государемъ принято.

Вскорѣ императоръ оставилъ лагерь и ввѣрилъ первую армію въ полное распоряженіе Барклая-де-Толли.

Въ Смоленскѣ государь получилъ вѣсть, что миръ съ турками заключенъ.

Въ то время у насъ была война съ Турціей, гдѣ нашей арміей командовалъ князь Михаилъ Ларіоновичъ Кутузовъ. Онъ турокъ разбилъ и заключилъ съ ними миръ, въ ту минуту, какъ Наполеонъ переступилъ нашу границу.

Едва только государь узналъ о мирѣ, какъ написалъ объ этомъ московскому генералъ-губернатору графу Федору Васильевичу Ростопчину, и отдалъ приказъ, чтобы ждали его въ Москвѣ. Въ Москвѣ ждали царя съ нетерпѣніемъ. Всѣхъ тревожили ложные слухи, говорили, что государь уѣхалъ изъ арміи, потому что армія въ опасности, что у Наполеона миллионъ войска, и одно чудо спасетъ Россію.

Ждали манифестъ, манефестъ былъ полученъ 11 іюля, онъ начинался такъ:

„Первопрестольной нашей столицѣ Москвѣ! непріятель вошелъ съ великими силами въ предѣлы Россіи, онъ идетъ разорять любимое наше отечество“.

Далѣе говорилось объ опасностяхъ, угрожающихъ Россіи, и о надеждахъ возлагаемыхъ государемъ на Москву и кончался словами:

„Да обратится погибель, въ которую онъ думалъ низ-

вергнуть насъ, на главу его, и освобожденная отъ рабства Европа да возвеличитъ имя Россіи“.

Подъ Москвой, на Поклонной горѣ, государя встрѣтили крестьяне села Фили, *) съ хлѣбомъ и солью. Во главѣ стоялъ священникъ съ крестомъ и дьяконъ съ зажженной свѣчею. Увидѣвъ ихъ, царь приказалъ остановить коляску, вышелъ, положилъ земной поклонъ и приложился ко кресту. Подавая крестъ, священникъ сказалъ: „да воскреснетъ Богъ и расточатся враги Его.

Государь вѣхалъ въ Москву ночью и остановился въ слободскомъ дворцѣ—въ Лефортовѣ.

На слѣдующій день все городское начальство собралось въ Кремль, встрѣчать царя, и хлынула такая толпа народа, что негдѣ было яблоку упасть. Какъ только показался государь, всѣ головы обнажились, загудѣли колокола,—Кремль наполнился звуками и восторженнымъ говоромъ народа, ура! ура! кричалъ народъ: отецъ! ангелъ! слышалось со всѣхъ сторонъ; веди насъ на супостата, умремъ или истребимъ его! Многіе заливались слезами и рыдали. Государь кланялся направо и налево и едва могъ пробраться до Успенскаго собора, такъ стѣснился вокругъ него народъ; но онъ запретилъ полиціи разгонять его—„пройду! говорилъ царь.

Въ соборѣ служили благодарственный молебенъ по случаю заключенія мира и стрѣляли изъ пушекъ. Пока государь слушалъ службу въ соборѣ и прикладывался къ мощамъ святителей, генераль-губернаторъ приказалъ выстроить отъ собора ко дворцу подмостки, покрытые пунцовымъ сукномъ.

15 іюля, въ день благовѣрнаго князя Владиміра, залы слободскаго дворца были наполнены дворянами и купцами. На всѣхъ лицахъ виднѣлось торжественное выраженіе.

Въ то время, когда дворяне съ жаромъ толковали объ опасномъ положеніи государства и каждый предлагалъ свою мѣру для его спасенія, вошелъ графъ Растопчинъ и объявилъ,

*) Принадлежали Натальѣ Кириловнѣ—матери Петра Великаго.

ЛѢСЪ ПРИ ЗАКАТѢ СОЛНЦА. Академика А. И. Мещерскаго.

что сейчас будетъ императоръ; потомъ сказалъ:—разсуждать намъ много нечего, оттуда польются миллионы, продолжалъ онъ, указывая на залу, гдѣ собралось купечество, а наше дѣло выставить ополченіе и не щадить себя.

Начались совѣщанія, и тутъ же состоялось постановленіе московскаго дворянства, что оно жертвуетъ по 10 человѣкъ съ 1000 и полное обмундированіе.

Вошелъ государь.

Всѣ бросились къ нему на встрѣчу. Пройдя мимо толпы дворянъ въ залу, императоръ сталъ говорить объ опасности, въ которой находится государство и о своихъ надеждахъ на московское дворянство. На это государю сообщили о только что состоявшемся постановленіи дворянъ.

— Никогда не сомнѣвался я въ усердіи русскаго дворянства, сказалъ государь тронутымъ голосомъ. Благодарю васъ отъ лица Отечества. Будемъ дѣйствовать...

Государь замолчалъ. Со всѣхъ сторонъ слышались восторженные восклицанія.

Изъ залы дворянства императоръ прошелъ въ залу купечества—и только что началъ говорить, какъ слезы прервали слова его и онъ едва dokonчилъ дрожащимъ голосомъ. Провожая государя многіе изъ купцевъ рыдая говорили.

— И жизнь и имущество возьми, ваше величество!

На слѣдующій день государь уѣхалъ въ Петербургъ.

Вскорѣ по отбытіи государя объ арміи наши услышали, что Наполеонъ вышелъ изъ Вильны и идетъ по витебской дорогѣ. Они двинулись туда же, чтобы соединиться и не давать ему идти дальше польскихъ провинцій; Наполеонъ же съ своей стороны принималъ мѣры, чтобы не допустить ихъ до этого.

Тогда начальники нашихъ войскъ увидали, что такимъ образомъ имъ не добраться до витебской дороги, повернули къ Смоленску и вступили въ него съ разныхъ сторонъ въ одинъ и тотъ же день. Тамъ Барклай принялъ команду надъ обѣими арміями и выступилъ къ Витебску,

оставивъ въ Смоленскѣ незначительный отрядъ, подъ командой генерала Раевского.

Между тѣмъ Наполеонъ также повернулъ къ Смоленску. Проходя по Смоленской губерніи, войско его грабило селенія и народъ. Дворянство, дворовые люди, крестьяне — всѣ ожесточились и стали вооружаться чѣмъ попало: вилами, косами, топорами; не только мужчины, но и женщины нападали на французскіе отряды, убивали ихъ и забирали въ плѣнъ. Что видно и по выходившимъ тогда каррикатурамъ. Въ каррикатурѣ, французы въ командѣ у старостихи Василисы:

Старостиха Василиса сидитъ верхомъ на клятѣ, грозитъ косою тремъ мародерамъ, которыхъ привела на веревкѣ пожилая баба, одинъ мародеръ стоитъ на колѣняхъ, на него неистово лаетъ собака. Позади Василисы три дѣвки съ ухватомъ, парень съ косою кажетъ мародерамъ лягушку. Пѣтухъ клюетъ золотого орла Наполеона.

Многія изъ бабъ даже отличились:

Терентьевна заколотила французскаго солдата башмакомъ. Бабушка Спиридоновна ходила съ саблей и съ ружьемъ на плечѣ и привела на веревкѣ трехъ французовъ. Бабушка Кузьминишна ошпарила французовъ щами и побѣдила ухватомъ. Страшное ожесточеніе противъ непріятеля разлилось повсюду.

Раевскій, узнавши, что Наполеонъ подходитъ къ Смоленску съ 180,000 войска, рѣшился защищать городъ до послѣдней капли крови, и не смотря на то, что французъ открылъ по крѣпости сильный огонь, держался геройски до тѣхъ поръ, пока наша армія не возвратилась въ Смоленскъ. Она вступила въ городъ съ развѣвающимиися знаменами, музыкой и пѣснями.

Не успѣвши отдохнуть, наши дружно ударили на непріятеля и заставили его отступить.

На другой день съ 8-ми часовъ утра за крѣпостью послышались ружейные выстрѣлы и пальба изъ пушекъ; но не

смотря на это, на улицахъ жизнь шла обыкновеннымъ порядкомъ, ѣздили извозчики, у лавокъ торговали купцы, въ церквахъ шла служба, вездѣ толпился народъ и спѣшили куда-то солдаты. Слышались разговоры о войскахъ, о непріятелѣ, который нападалъ на городъ, всѣ старались успокоивать другъ друга и самихъ себя. Говорили, что градоначальникъ получилъ бумагу отъ Барклая-де-Толли, въ которой сказано, чтобы онъ увѣрилъ жителей Смоленска въ безопасности, что обѣ арміи общими силами будутъ защищать своихъ соотечественниковъ до тѣхъ поръ, пока не удалятъ враговъ Россіи.

Но не смотря на увѣреніе начальства, многіе изъ жителей спѣшили выѣхать изъ города. По улицамъ и на мосту черезъ Днѣпръ толпился народъ, спасая свои семейства и имущества, и тянулись воза нагруженные съ верхомъ мебелью, сундуками и домашней посудой.

Канонада стихла.

Это было наканунѣ Спаса Преображенія.

Въ пять часовъ по полудни Наполеонъ открылъ бомбардированье города изъ 130 орудій. Со всѣхъ сторонъ слышался свистъ ядеръ, бомбъ, гранатъ, падая въ городъ, онѣ съ трескомъ лопались. Сначала это, вмѣстѣ съ страхомъ, возбуждало любопытство жителей; но когда съ грохотомъ и со свистомъ ядеръ слились стоны раненыхъ, и гранаты падая на дома зажигали ихъ, тогда они стали выбираться изъ домовъ и спасались за Днѣпръ. Но не смотря ни на что, въ церквахъ шла всеобщая; народъ молился и выходилъ изъ храма только тогда, когда его охватывало пламенемъ. Въ соборѣ поднимали икону Смоленской Божіей Матери, выносили ее и клали на пороховой ящикъ. Непріятель продолжалъ осыпать крѣпость гранатами, какъ только падала часть стѣны, врывался въ проломъ, а наши встрѣчали ихъ штыками.

Къ сумеркамъ канонада стала стихать. Дымъ застилалъ небо, сквозь него едва виднѣлся молодой мѣсяцъ. Тишина

прерывалась трескомъ пожаровъ, шелестомъ шаговъ и дальними криками.

Наступила ночь. Городъ пылалъ. Хозяева домовъ и лавокъ сами бросали въ огонь все, что не могли взять съ собою. Въ темнотѣ виднѣлись люди, которые таскали горящія головни на ближайшіе дворы и зажигали дома.

Городъ сдавали.

Войска, тѣсясь въ улицахъ, спускались по Днѣпру на мостъ. Между рядами солдатъ медленно двигались экипажи и телѣги.

Въ ночь войска получили приказъ отступать на московскую дорогу. Перейдя мостъ, они сожгли его.

На разсвѣтъ, въ день Преображенія Господня, Наполеонъ вступилъ въ Смоленскъ. Онъ думалъ найти покойныя квартиры, отдыхъ, съѣстные запасы—и нашелъ развалины.

Т. Лассекъ.

ФРАНЦУЗСКИЙ ПЛѢННИКЪ ВЪ РОССІИ ВЪ 1813 ГОДУ.*)

I.

Передъ Москвою. Воспоминанія о Бородинской битвѣ. Первая рана. Страшныя послѣдствія Бородинскаго сраженія. Москва горитъ! Спены во время пожара. Неожиданное знакомство съ княгиней Л... и ея дочерью Аніалою. Помолвка у постели умирающей. Смерть княгини. Передъ выходомъ изъ Москвы.

Наконецъ-то мы находимся передъ столицею русскихъ царей, не сонъ ли это? Можетъ ли эта война, которая по нашимъ предположеніямъ должна была окончиться самымъ блистательнымъ образомъ, можетъ ли она считаться плодомъ гениальнаго, широко задуманнаго плана, результатомъ исполинскихъ предначертаній? Часть арміи уже вступила въ городъ вслѣдъ за кавалеріею Неаполитанскаго короля. Я остановился въ одномъ предмѣстьѣ, гдѣ пѣхота должна была пробить до слѣдующаго дня. Изъ окна того дома, въ которомъ я расположился, былъ видѣнъ почти весь городъ. Заходящее солнце освѣщало послѣдними лучами массу

*) Эти воспоминанія были писаны подъ живымъ впечатлѣніемъ только что окончившейся колоссальной борьбы цѣлой Европы сначала съ Россіею, а потомъ съ Франціею. Во всѣхъ наполеоновскихъ войнахъ, не исключая и несчастной войны съ Россіею, авторъ принималъ самое близкое участіе. Въ книгѣ „Un prisonnier en Russie“ онъ описалъ истинное событіе, плѣнъ своего роднаго брата въ Россіи въ 1812 г. Она была издана роднымъ братомъ автора, барономъ Павломъ де-Бургоеномъ, бывшимъ французскимъ посланникомъ при русскомъ дворѣ въ 1830—1832 годахъ.

золоченыхъ главъ и странныхъ зданій, въ восточномъ вкусѣ, и придавало новую красоту этой роскошной картинѣ. Какой громадный, великолѣпный городъ!

Изъ своей комнаты я слышалъ радостные голоса нашихъ солдатъ, восхищенныхъ тѣмъ, что добрались до цѣли своего труднаго похода. Они твердо вѣрили, что довольство замѣнить ужасную нищету и вознаградить за тѣ лишенія и бѣдствія, которыя они испытывали послѣднее время. Скоро побѣдоносная армія вступитъ въ этотъ пышный городъ.... Дорогою цѣной купила она это право. Я постараюсь, насколько возможно, передать впечатлѣнія, вынесенныя мною изъ нашей послѣдней битвы подъ Москвою.

6-го сентября (новаго стиля) вечеромъ мой отрядъ присоединился къ арміи; мы стояли лицомъ къ лицу съ непріателемъ, занимавшимъ позиціи, которыя онъ, повидимому, твердо рѣшился защищать. Передъ нами въ ночной темнотѣ блестяло множество бивуачныхъ огней.

Я молча смотрѣлъ на это новое для меня зрѣлище. Самыя разнообразныя чувства волновали меня. Чась тому назадъ, шумныя, спѣшныя приготовленія къ сраженію заставляли мое сердце биться отъ нетерпѣнія. Теперь же, среди тысячъ людей, ожидающихъ только утра, чтобы безпощадно рѣзать другъ друга, царствовало глубокое молчаніе. Это страшное спокойствіе уничтожило мое одушевленіе и мало по малу уступило мѣсто болѣе спокойному чувству. „Завтра, говорилъ я себѣ, ручьями потечетъ кровь этихъ двухъ народовъ; завтра французы одержать побѣду; но сколько жертвъ, сколько матерей будутъ проливать слезы! И какіе же результаты этой кровавой катастрофы? Съ одной стороны гибель цѣлой націи, съ другой—слава одного человѣка!“

Не стану скрывать то, что я испытывалъ при видѣ ожидавшихъ меня опасностей. Я не могъ не жалѣть своей жизни, мирно и счастливо протекавшей среди родной семьи. Я вспомнилъ мать, сестру, которыя, быть можетъ, томятся въ неизвѣстности обо мнѣ? „Да, говорилъ я самъ себѣ, я не

отступлю при видѣ опасности, но буду руководиться не презрѣніемъ смерти, а чувствомъ чести и сознаніемъ долга.“

При восходѣ солнца я былъ разбуженъ первымъ пушечнымъ выстрѣломъ. Барабанный бой призывалъ всѣхъ къ оружію; мы отправились — и тутъ-то я узналъ настоящую опасность.

Пушки гремѣли по всей линіи; громкіе клики солдатъ привѣтствовали этотъ славный день, по ихъ восторженному настроенію не трудно было предвидѣть исходъ сраженія. Съ самаго утра полкъ, въ которомъ я служилъ, послѣ блестящей атаки овладѣлъ нѣсколькими непріятельскими орудіями; въ продолженіи двѣнадцати часовъ мы стояли подъ непрерывнымъ огнемъ. Къ вечеру я былъ посланъ на аванпосты съ небольшимъ отрядомъ. Насъ выставили противъ полка русскихъ казаковъ, смерть грозила намъ со всѣхъ сторонъ.

Въ самую опасную минуту, полковникъ нашъ проѣзжалъ по рядамъ своихъ гусаръ; присутствіе его удвоило наше мужество; раздался военный крикъ французовъ: „впередъ, впередъ!“ Мой голосъ смѣшался съ голосами моихъ храбрыхъ товарищей; чтобы воодушевить ихъ, я первый бросился на непріятеля. Въ одно мгновеніе я былъ окруженъ и отрѣзанъ отъ своего отряда; два казака напали на меня съ ожесточеніемъ; лошадь моя опрокинулась, и я почувствовалъ, какъ ударъ пикою прокололъ мнѣ плечо. Я упалъ, обливаясь кровью, и полулежа, съ саблею въ рукѣ, съ отчаяніемъ защищался; скоро эта неровная борьба должна была окончиться вмѣстѣ съ моею жизнью. Вдругъ возлѣ меня раздался грозный голосъ Тьерри, самаго храбраго изъ моихъ гусаръ. Онъ отбилъ меня отъ враговъ, и подъ его прикрытіемъ я кое-какъ добрался до своего полка, гдѣ мнѣ подали немедленно помощь.

Поздно вечеромъ я узналъ, что непріятель сбитъ со всѣхъ позицій, и наши войска двинулись къ Москвѣ.

На другой день я послѣдовалъ за арміей. Благодаря тому, что полковникъ отдалъ въ мое распоряженіе свою карету, я пользовался всѣми удобствами, но сколько несчастныхъ

нуждались въ нихъ! я забылъ вчерашнюю побѣду, забылъ свои собственныя страданія, при видѣ представившагося зрѣлища. Возлѣ можайской дороги находился большой монастырь, до того переполненный ранеными, что несмотря на его обширность, мѣстъ было недостаточно, и множество несчастныхъ пришлось помѣстить около стѣнъ монастыря; ихъ стоны раздирали душу. Въ то время какъ наша армія подвигалась къ Москвѣ, тѣ, кто кровью своею заплатили за нашу побѣду, были покинуты безъ всякой помощи. Вотъ какъ платятъ намъ за нашу преданность!

Еще труднѣе описать то чувство отчаянія, смущенія и глубокаго горя, которое овладѣло мною при извѣстїи о пожарѣ Москвы. Бѣдная наша армія была поражена. Москва торитъ! этотъ городъ, отъ котораго мы ждали спасенія, за обладаніе которымъ пролито столько крови! Съ невольнымъ содраганіемъ думали мы о будущемъ, и предчувствіе не обмануло насъ; всѣ вынесенныя нами страданія представляются мнѣ теперь какимъ-то тяжелымъ сномъ.

На другой день послѣ начала московскаго пожара я пожелалъ взглянуть на городъ, чтобы имѣть о немъ хотя нѣкоторое понятіе. Рана моя позволяла мнѣ ходить и при помощи моего вѣрнаго Тьерри, который не покидалъ меня болѣе, я пошелъ за толпою, стремившеюся по направленію къ мосту. Перейдя его, я прошелъ по нѣсколькимъ улицамъ, до которыхъ недобралось пламя. Много еще сохранилось зданій и разнаго рода построекъ, но страшное зарево освѣщало безпрестанно то ту, то другую часть города. Солдаты, съ дѣтскою непредусмотрительностью, не думали о будущемъ. Они занимались грабежемъ и съ яростью оспаривали у огня его добычу; все это довершало мрачную картину. Нѣкоторые жители изъ престопаго бродили среди нашихъ солдатъ; одни, чтобы защитить свою собственность, другіе—пожизвиться чѣмъ нибудь на счетъ чужаго несчастія. Съ горемъ смотрѣлъ я на разрушеніе этого великолѣпнаго города. Я не могъ не преклониться передъ чувствомъ патріотизма, во имя кото-

раго приносились эти тяжелыя жертвы, но мнѣ грустно было видѣть, какъ рушились этѣ старинныя стѣны, съ которыми были связаны религіозныя вѣрованія, воспоминанія столькихъ жизней и слава націи...

Видѣ этого несчастнаго города, на половину уничтоженнаго пожаромъ, этихъ разрушенныхъ, опустѣлыхъ домовъ и столькихъ тысячъ жителей, лишенныхъ крова—производилъ на меня тяжелое впечатлѣніе. Не разъ желалъ я вырваться отсюда и перенестись въ свое отечество, гдѣ бы могъ вздохнуть свободно. Видѣ окружающаго не давалъ мнѣ покоя; я чувствовалъ себя невольно виноватымъ и избѣгалъ выходить на улицу, гдѣ все какъ будто упрекало меня. Но одинъ случай, который я намѣренъ рассказать, заставилъ меня благословлять судьбу, приведшую сюда.

Однажды, проходя съ Тьерри по одной изъ московскихъ улицъ, я остановился передъ роскошнымъ горѣвшимъ зданіемъ. Маленькій, пристроенный къ нему, павильонъ не былъ еще охваченъ огнемъ, но въ ту минуту, когда обрушивались балки, порывъ вѣтра забросилъ нѣсколько горящихъ головней на крышу павильона, и чрезъ нѣсколько мгновеній огонь перенесся бы на него. Увлеченный невольнымъ чувствомъ, я захотѣлъ воспользоваться представившимся случаемъ, и мнѣ удалось, при помощи нѣсколькихъ солдатъ, дать отпоръ усиливавшемуся пожару. Я смотрѣлъ на маленькій спасенный мною павильонъ и думалъ, что онъ можетъ послужить убѣжищемъ для какого нибудь бѣднаго семейства, по выходѣ нашемъ изъ Москвы. А пока рѣшился самъ занять его, такъ какъ огонь лишилъ меня моего послѣдняго жилища, вслѣдствіе чего я и вышелъ искать себѣ новаго.

Сопровождаемый Тьерри, я взобрался по ступенямъ въ глубокой темнотѣ. Павильонъ, казалось, былъ необитаемъ; всѣ ставни были заперты. Я хотѣлъ было войти въ одну изъ комнатъ, какъ неожиданное зрѣлище заставило меня остановиться на порогѣ открытой мною двери. Въ комнатѣ, слабо освѣщенной, на постели лежала больная, подлѣ ко-

торой сидѣли двѣ женщины. По лицу младшей не трудно было угадать, какое живое участіе принимала она въ больной. Она склонилась надъ нею съ такою нѣжною заботливостію, которая ясно показывала, что больная была ей дорога. Опасность, еще недавно угрожавшая этимъ женщинамъ, трескъ бушевавшаго пожара придавали особый интересъ этой трогательной картинѣ. Не знаю, долго ли бы я простоялъ такимъ образомъ, но крикъ испуга молодой дѣвушки, внезапно увидѣвшей меня, вывелъ меня изъ оцѣпенѣнія. Подойдя къ ней, я старался успокоить ее;—она дрожала и смотрѣла на меня умоляющимъ взоромъ, отъ ея крика проснулась больная; увидя въ своей комнатѣ двухъ незнакомыхъ военныхъ, смутилась и, обратившись ко мнѣ по французски, просила меня имѣть уваженіе къ несчастію. „Сударыня, сказалъ я, насъ привела сюда случайность, ваше убѣжище для меня священо. Прикажите и мы удалимся.“ Незнакомая дама ласково поблагодарила меня; голосъ ея звучалъ выраженіемъ довѣрія, черты лица были исполнены кротости и благородства.

Я разсказалъ моимъ новымъ знакомымъ, какой опасности подвергался павильонъ, онѣ съ жаромъ меня благодарили. Такъ какъ павильонъ отдѣлялся отъ дома садомъ, то онѣ считали себя въ безопасности.

Въ ту минуту, когда мы разговаривали, въ комнату вошло нѣсколько солдатъ, очевидно съ цѣлью грабежа. Не стѣсняясь моимъ присутствіемъ, нѣкоторые изъ нихъ безъ церемоніи начали шарить по комнатѣ и разбрасывать вещи. Испуганныя женщины смотрѣли на меня, какъ бы прося моей защиты. Желая оказать имъ услугу, я спросилъ солдатъ, что имъ надобно, и, не получивъ отвѣта, приготовился силою заставить ихъ удалиться. Но Тьерри предупредилъ меня. Онъ сильною рукою схватилъ одного солдата за воротъ и вытолкнулъ за дверь. Твердостью и настойчивостію я добился, что и другіе поспѣшили убраться вонъ. Это увеличило довѣріе больной; чтобы предупредить подобныя непріятности, она предло-

жила мнѣ занять переднія комнаты павильона. Я съ радостью согласился и въ тотъ же вечеръ перебрался къ нимъ. По разсказу больной,—она была вдова князя Л... кавалерійскаго генерала, убитаго подъ Москвою. Эта несчастная женщина потеряла въ одинъ день и мужа, и сына. Серьезная болѣзнь заставила ее остаться въ Москвѣ.

Доктора объявили, что передвиженіе будетъ для нея опасно, и она осталась съ своей дочерью и старою французженкою, бывшей при ней съ ея дѣтства. Положеніе княгини съ каждымъ днемъ становилось все хуже и хуже. Спустя не много послѣ того, какъ я переселился въ павильонъ, нашъ военный докторъ, котораго я нѣсколько разъ приводилъ къ княгинѣ, сказалъ мнѣ, что нѣтъ никакой надежды на ея выздоровленіе. Это привело меня въ отчаяніе, какъ за нее, такъ и за ея бѣдную дочь, она оставалась круглой сиротою; у нея не было ни родныхъ, ни знакомыхъ въ этомъ, всѣми покинутомъ, городѣ. Ей только что минуло шестнадцать лѣтъ, и она, казалось, унаслѣдовала прекрасныя душевныя качества своей матери. Нѣжность, съ которою она ухаживала за нею, ея рѣшимость остаться возлѣ больной, не смотря на всѣ опасности, въ то время какъ она могла бы уѣхать съ своими знакомыми или родственниками, были достойны глубочайшаго уваженія. Больная не могла смотрѣть безъ слезъ на свою несчастную дочь; я утѣшалъ княгиню сколько могъ и поддерживалъ увѣренность въ скоромъ выздоровленіи. Но она понимала свое положеніе и чувствовала себя все хуже и хуже.

Передъ кончиною она позвала меня и просила не покидать ея дочери, замѣнить ей умершаго брата и помочь доѣхать до родственниковъ. Глубоко тронутый, я просилъ княгиню не отказать мнѣ въ рукѣ Аннѣлы, такъ звали ея дочь. При этихъ словахъ молодая дѣвушка бросилась къ матери на шею. Княгиня отвѣчала мнѣ, что зная меня она увѣрена въ счастья своей дочери. Я знаю вашихъ родителей, говорила она, особенно вашу матушку, съ которою провела лучшіе годы моей мо-

лодости, и могу только пожелать, чтобы она столько же полюбила мою дочь, сколько я полюбила васъ, Альфредъ, не смотря на кратковременное наше знакомство. Затѣмъ она соединила наши руки и благословила насъ. Было рѣшено, что по выступленіи нашей арміи, Аніэла поѣдетъ со мною къ моимъ роднымъ, которыхъ я поспѣшилъ извѣстить о своемъ выборѣ. Спустя нѣсколько дней моя вторая мать скончалась на нашихъ рукахъ.

Похоронивъ княгиню, мы переѣхали въ Кремль, гдѣ я долженъ былъ находиться при своемъ полку. Армія наша выступала въ Калугу, и черезъ нѣсколько дней мы должны были слѣдовать за нею. Мы оставляли этотъ несчастный городъ обгорѣлымъ, грустнымъ, опустошеннымъ. Какъ тѣни по кладбищу, блуждали жители по развалинамъ своихъ жилищъ. Наша армія воспользовалась немногими средствами, которыя были пощажены пламенемъ, и покинула остатокъ московскаго населенія въ страшнѣйшей нищетѣ. Какая разница между нашимъ вступленіемъ въ Москву и выходомъ изъ нея! Я съ ужасомъ предвидѣлъ ожидавшую насъ участь.

Зима наступила чрезвычайно быстро; нѣсколько дней шелъ непрерывный снѣгъ, съ сильнымъ вѣтромъ и морозомъ, это дѣлало наше положеніе крайне затруднительнымъ. Безъ денегъ, безъ хлѣба, безъ теплаго платья, мы были предоставлены своей жалкой судьбѣ! Особенно плохо приходилось несчастнымъ солдатамъ. Они не принимали никакихъ мѣръ противъ предстоявшихъ страшныхъ испытаній, которыя готовились имъ на возвратномъ пути. Въмѣсто того, чтобы по мѣрѣ возможности запастись теплыми мѣховыми вещами, провизіей и другими необходимыми предметами для дальней дороги, раззоренной проходомъ арміи, наши солдаты занимались бесполезнымъ грабежамъ. Напрасно обращался я къ нимъ съ совѣтами и предостереженіями, не многіе изъ нихъ были расположены ими воспользоваться.

МЪСНЯ.

Травушка-муравушка.

Наша улица траввою заросла,
Голубыми васильками зацвѣла,
Только губить василечки лебеда,
Сквозь нея почти не видно и слѣда.
Ужъ за то у нашихъ оконъ и воротъ,
Бѣлоснѣжная черемуха цвѣтетъ,
Наша улица—зеленныя поля...
Ахъ! ты травушка, муравушка моя,
Ты тропиночка не топтаная!

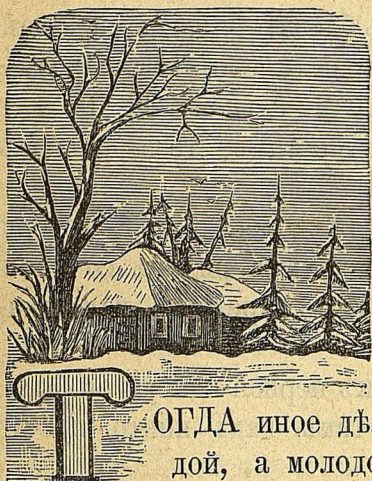
* * *

Я на улицу раненько выхожу,
Я на травушку-муравушку гляжу.
А роса-то на ней свѣжа блестить,
Изумрудами, алмазами горить,
А цвѣточки какъ умытыя стоятъ
И привѣтливо и весело глядятъ.
Наша улица—зеленныя поля...
Ахъ! ты травушка-муравушка моя,
Ты тропиночка не топтаная!

* * *

Мнѣ у батюшки роднаго не живать,
Не живать—тебя муравушки не мять...
Бдуть сваты, все поклоны отдаютъ,
Меня замужъ за неровню выдаютъ...
Поведутъ меня съ постылымъ подъ вѣнецъ,
Что-то скажетъ разудалый молодецъ?..
Наша улица—зеленныя поля...
Ахъ! ты травушка-муравушка моя,
Ты тропиночка не топтаная!

Н. Лановъ.

МОЯ НЯНЯ.

ТОГДА иное дѣло, тогда я была человѣкъ молодой, а молодому многое простительно, теперь я старуха, помирать скоро придется, а я вдругъ примусь танцовать!

— Няня, милая, не говори о смерти, я хочу чтобы ты жила и ты будешь еще долго, долго жить! восклицаю я, бросаясь на шею нянѣ и цѣлуя ее. Ты хотя и старенькая, но, славу Богу, здоровенькая у меня старушка и протанцовать матрадуръ можешь! настаиваю я на своемъ, съ дѣтскимъ упорствомъ.

— Нѣтъ, дитятко, не дури, не стану! объявляетъ няня рѣшительно.

— Няня, милая, дорогая, хорошая! продолжаю молиться, крѣпко охвативъ ее шею и прижимаясь щекой къ ея лицу, ты протанцуй немножко, одну капельку, чтобы я могла только видѣть какой это былъ танецъ и какъ ты его танцевала!

— Ишь, упрямая! я знаю тебя, до тѣхъ поръ не отста-нешь, пока своего не добьешься! говоритъ няня, тронутая моими мольбами и ласками, спускаясь съ лежанки.

И при слабомъ освѣщеніи лампадки, я слѣжу съ напряженнымъ вниманіемъ за оригинальнымъ, невѣдомымъ мнѣ танцемъ, исполняемымъ передо мной няней.

— Милая няня, какъ ты еще хорошо танцуешь! восклицала я, всплеснувъ отъ восхищенія руками.

— Подумаешь, что нашла хорошаго! отвѣчаетъ няня, опускаясь въ изнеможеніи на одинъ изъ близь стоящихъ стульевъ. Развѣ я его такъ танцевала въ былое время? Нѣтъ, голубчикъ, теперь не то, старыя-то ноги не слушаются! Да и я, старая дура, потворствую твоимъ глупостямъ—тоже въ танцы пустилась! Охъ, грѣхи мои тяжкіе!

— Благодарю тебя, няня, милая дорогая моя, говорю я, цѣлуя и обнимая, снова помѣстившуюся рядомъ со мной, на лежанкѣ, няню. А ты должно быть прелесть какъ танцевала?

— Говорю тебѣ, во всей дворнѣ первой плясуньей была! А вотъ, твоя тетенька танцевала такъ, какъ никто! просто залюбуешься, бывало.

— Няня, что съ ней сдѣлалось? спрашиваю я.

— Съ ней-то? спрашиваетъ въ свою очередь задумчиво няня. Да несчастливая выпала ей доля! Выдали ее замужъ за князя, за богатаго, болѣе двухъ тысячъ душъ вотчина у него была, да правду говоритъ пословица: глупому сыну не въ помощь и богатство. Человѣкъ былъ онъ не злой и не дурной, да пустой баринъ, ума небольшого, науки какъ слѣдуетъ не прошелъ, былъ ишь въ нѣсколькихъ заведеніяхъ, всюду начиналъ и нигдѣ не кончалъ, такому человѣку со своими дѣлами не управиться, онъ и не управился. Сталъ это онъ ѣздить со своей красавицей супругой по столицамъ, деньги началъ мотать, ночи тамъ, по клубамъ, за картами просиживать да проигрывать, и лѣтъ черезъ шесть такъ запуталъ дѣла, что страсть! Видитъ она, моя голубушка, что

дѣло плохо и перестала съ нимъ ѣздить, засѣла въ деревнѣ и хозяйствомъ занялась. Да гдѣ ей было непривычной, да неумѣлой съ такимъ хозяйствомъ справиться, къ тому же у нея и дѣтокъ, знать, человѣка четыре уже въ ту пору было, ими нужно было тоже заняться! И шло это такимъ манеромъ годы,—она гроши собираетъ, а онъ тысячи просаживаетъ; кончилось дѣло тѣмъ, что все имѣніе пошло за долги, ниже клочка земли своей не осталось, и пришлось имъ переехать въ свой уѣздный городишко и жить тамъ кое-какъ тѣмъ, что родители, а затѣмъ, братья присылали. Дѣтей кое-куда поопредѣлили по заведеніямъ, а она, моя голубушка, такъ съ горя и зачахла, тридцати съ небольшимъ лѣтъ померла.

— А гдѣ, няня, ея дѣти?

— А Господь ихъ вѣдаетъ! Справлялся какъ-то твой папенька, да ничего узнать не могъ. Въ началѣ-то кое-когда бывало напишутъ, а потомъ замолчали и не слышать что-то о нихъ давно.

— Няня, ты все рассказываешь мнѣ про одну тѣтю и никогда не говоришь о другой?

— Да видишь въ чемъ дѣло, дитятко, та тетенька была гораздо моложе насъ, годика должно быть на четыре, не то на пять, и совсѣмъ иного была ндрава, такая сурьезная, да неразговорчивая, все больше книжки читала и въ нашемъ весельѣ мало участія принимала. Да она, правда, еще ребенокъ была, все больше со своими губернантками наверху сидѣла, да разнымъ наукамъ обучалась.

— Она, няня, была тоже хорошая?

— Хорошая, хорошая барышня, сердца доброго, только не такая душевная, какъ наша старшая енеральша,⁴ Авдотья Матвѣевна, ужъ та дѣйствительно каждаго человѣка обласкаетъ и приголубитъ! И изъ себя была тоже ничего, не такая красавица, какъ старшая тетенька, а все же милостивая барышня: бѣленькая, да нѣжненькая, съ свѣтлыми, какъ ленъ, волосиками и синими глазками. У нихъ у обѣ-

ихъ глазки были синіе; только ужъ-черезъ чуръ была блѣдна, да худошава, а сестра-то была видная, рослая, кровь съ молокомъ, волосы черные, бровь соболиная! Красавица, что и говорить! Вся въ батюшку пошла!

— Няня, что сдѣлалось съ той тѣтей?

— А ей выпала совѣмъ иная доля, доля счастливая на всю жизнь. Вотъ и поди ты, вышла она и не за знатнаго, и не за богатаго, а только за хорошаго да за умнаго человѣка, и прожила съ нимъ весь вѣкъ припѣваючи и горя не знаючи. Надо тебѣ разсказать, какимъ страннымъ манеромъ все это случилось: была у насъ одна сосѣдка, верстъ за десять отъ насъ жила, Прасковья Ивановна Быкова, бѣдненькая помѣщица—душъ пятьдесятъ, должно быть, не больше того было—вдовая, съ маленькимъ сынишкой. Женщина была она добрая, тихая, съ крестьянами обходилась милостиво, хозяйка была умѣлая, а потому, не взирая на бѣдность, домикъ ея былъ что полная чаша, а усадьба, что твоя игрушечка—всюду чистота, порядокъ, такъ что любо глядѣть. Въ нашъ домъ она была вхожа, твой дѣдушка покойный былъ милостивъ къ ней, любилъ ее и говорилъ завсегда, что она женщина благочестивая и умная; старая енаральша тоже ее жаловала и, не взирая на свою гордость, обходилась съ ней какъ съ равной.

— Да, няня, она и была имъ равная! перебиваю я мою разсказицу. Ты же сама говоришь, что она была умная и хорошая...

— Все же, дитятко, не то, что наши господа!

— Почему же, няня? Вѣдь она была даже дворянка, только бѣднѣе ихъ—развѣ это такая большая разница? спрашиваю я, не понимая няню.

— Наши были и богаче, и знатнѣе, да и въ енаральскихъ чинахъ!—а она, такъ себѣ, мелкопомѣстная!

— И все же, няня, она была имъ равная, повторяю я снова.

— По вашему, по теперешнему, можетъ быть и такъ, а

по нашему, по тогдашнему—было не такъ! отвѣчаетъ няня съ неудовольствіемъ. А ты вотъ лучше слушай и не перебивай меня: сынишко ея былъ тоже мальченокъ хорошій, господа ласкали его и допускали своихъ дѣтей играть съ нимъ, даже любили когда онъ пріѣзжалъ къ намъ, говорили за-всегда, что отъ него ничему дурному научиться дѣтямъ нельзя. Только вотъ однажды, пріѣзжаетъ эта самая, барыня Быкова, къ твоему дѣдушкѣ вся въ слезахъ, растроенная такая и говоритъ, что пріѣхала просить его помощи и защиты, что она бѣдная, одинокая вдова и никого не имѣетъ на всемъ свѣтѣ, къ кому могла бы обратиться за помощью и совѣтомъ, кромѣ его. Дѣдушка сталъ ее успокаивать, усадилъ рядомъ съ собой на диванъ и сталъ спрашивать въ чемъ дѣло? Вотъ что она ему рассказала: былъ у нея ближайшимъ сосѣдомъ одинъ знатный князь, ишъ въ столицѣ жилъ и въ силѣ тамъ былъ, имѣніе-то ея какъ разъ сходилосъ, межа съ межей, съ имѣніемъ этого князя, которымъ завѣдывалъ какой-то наемный управитель, кажись изъ нѣмцевъ. Вотъ, рассказываетъ она, прошлымъ лѣтомъ, пріѣзжалъ этотъ самый князь въ свое помѣстье, осматривалъ его, да и говоритъ управителю, указывая на деревушку Быковой:—жалъ, что этотъ клочекъ земли принадлежитъ не намъ, тогда наша земля доходила бы до самой большой дороги, и у насъ не было бы никакого сосѣдства. Управитель взялъ, да и намоталъ это себѣ на усъ—видишь ли захотѣлось ему прислужиться знатному барину! Не прошло и полугода, какъ пишетъ онъ князю: что по найденнымъ въ домѣ, такимъ-то и такимъ старымъ бумагамъ, видно, что имѣніе помѣщицы Быковой принадлежало когда-то князьямъ С., а почему оно отошло отъ нихъ, этого по бумагамъ не видно, а поэтому самому было бы недурно похлопотать о возвращеніи его законнымъ владѣльцамъ, за небольшое вознагражденіе, на что помѣщица Быкова вполнѣ согласна.

Е. Григорова.

(Продолженіе будетъ).

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ ТЕРЕБЕНЕВЪ.

Родился 1780 года, умеръ 1815 года.

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ ТЕРЕБЕНЕВЪ прославился больше всего своими карриатурами на войну съ Наполеономъ.

Онъ готовился быть живописцемъ, но занимался больше скульптурой. При выходѣ изъ академіи художествъ онъ былъ назначенъ въ число пенсіонеровъ; но предпочелъ заниматься своимъ предметомъ независимо. Изъ произведеній его замѣчательны больше всего барельефы и статуи для торжественныхъ воротъ въ честь гвардіи (1814 года).

Послѣ смерти Ивана Ивановича семейство его осталось въ крайней бѣдности. Книги его съ 24 листами раскрашенныхъ карриатуръ продавались издателемъ Сына Отечества — Глинкою, по 25 руб. за экземпляръ. Въ пятидесятихъ годахъ ихъ можно было найти въ магазинахъ книжныхъ Кольчугина и Улитина. На обложкѣ книги съ этими листами было жизнеописаніе Голенищева-Кутузова и объявленіе о продажѣ 30 карриатуръ 1812 года, цѣна 40 р.

Въ настоящее время онѣ изданы съ поясненіями, въ замѣчательномъ, почтенномъ трудѣ Дмитрія Александровича Ровинскаго: Русскія народныя картинки, — откуда я и воспользовалась въ моей статьѣ „Очерки отечественной войны“, тѣми изъ карриатуръ, которыя отчетливѣе остались въ моей памяти.

Карриатуры Теребенева вполне художественны и оригинальны, только въ немногихъ проглядываетъ подражаніе карриатурамъ французскимъ конца прошедшаго столѣтія.

Т. Лассекъ.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА „НАРОДНАЯ ШКОЛА“

въ 1882 году.

(ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ).

Журналъ рекомендованъ учебнымъ комитетомъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи и учебнымъ комитетомъ при св. синодѣ и удостоенъ золотой медаліи отъ комитета грамотности, состоящаго при Имп. Вольно-Экономическомъ Обществѣ.

„НАРОДНАЯ ШКОЛА“ будетъ издаваться въ 1882-мъ году на прежнихъ основаніяхъ, при участіи всѣхъ прежнихъ и нѣкоторыхъ новыхъ сотрудниковъ.

Программа журнала состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: I. Законодательство по народному образованію. II. Педагогика и дидактика. III. Исторія народного образованія. IV. Критика и библиографія. V. Новости и смѣсь. Этотъ отдѣлъ вполне соответствуетъ „Современному обозрѣнію“ въ другихъ журналахъ. Онъ заключаетъ въ себѣ — кромѣ мелкихъ статей и корреспонденцій — систематическій обзоръ (подъ названіемъ „Педагогической хроники“) всѣхъ наиболѣе интересныхъ явленій въ области народного образованія въ нашемъ отечествѣ; въ такомъ же систематическомъ видѣ предлагается, по временамъ, хроника народного образованія въ иностранныхъ государствахъ. Здѣсь же помѣщаются, обыкновенно, подъ рубрикою „Разныхъ извѣстій“, любопытныя для народнаго учителя факты изъ общественной и собственно крестьянской жизни. VI. Приложенія въ журналѣ, куда входятъ: а) политическія извѣстія для народныхъ учителей, въ формѣ связнаго разсказа о политическихъ событіяхъ за-границею; б) чтенія для народа по всѣмъ предметамъ знанія и в) вообще всякія статьи научнаго и литературнаго содержанія, которыя могутъ содѣйствовать развитію народнаго учителя.

Въ текущемъ году, въ „НАРОДНОЙ ШКОЛѢ“ принимали участіе своими трудами: А. И. Анастасіевъ, А. С. Виреніусъ, В. Ф. фонъ-Болъ, В. С. Гербачъ, Я. Г. Гуревичъ, И. П. Золотницкій, А. Г. Ивановъ, П. Ѳ. Каптеревъ, Е. П. Карновичъ, баронъ Н. А. Корфъ, Всев. И. Миропольскій, Я. Т. Михайловскій, Ф. Ф. Резенеръ, И. О. Фесенко, И. И. Шалфеевъ и др.

Для будущаго года въ распоряженіи редакціи имѣется уже много новыхъ матеріаловъ.

„НАРОДНАЯ ШКОЛА“ будетъ выходить въ 1882-мъ году по прежнему, ежемѣсячными книжками, отъ четырехъ до шести печатныхъ листовъ убористаго шрифта. Годовая цѣна журнала, со всѣми приложеніями, **четыре рубля пятьдесятъ коп.** съ пересылкою и доставкой. Иногородные подписчики адресуются исключительно въ главную контору „Народной Школы“, въ С.-Петербургѣ, на Васильевскомъ островѣ, по 6-й линіи, д. № 25.

Имѣя возможность сдѣлать доступнымъ приобрѣтеніе оставшихся полныхъ экземпляровъ нашего журнала 1878—79 гг. и тѣмъ школамъ, которыя, по недостатку средствъ, не могли своевременно подписаться на нихъ, редакція предлагаетъ нынѣ выписывать ихъ по значительно пониженной цѣнѣ, а именно: вмѣсто 9 р. за оба года по **6 р. съ пересылкою**. При подпискѣ же на будущій годъ слѣдуетъ высылать, круглымъ счетомъ, **10 руб.** Въ „Народной Школѣ“ 1878—79 гг., кромѣ всѣхъ почти вышепоименованныхъ лицъ, помѣщали также свои труды: В. И. Асоновъ, Л. П. Весинъ, В. И. Водовозовъ, К. В. Ельницкій, Н. Н. Заполскій, Н. Зурскій, В. И. Зимницкій, В. Э. Иверсенъ, А. П. Кирпотенко, А. А. Кочетовъ, Н. И. Островская, Б. А. Павловичъ, Е. Рейнбольтъ, И. С. Ремезовъ, А. Самусь, Д. Д. Семеновъ, А. Ѳ. Соколовъ, Д. И. Тихомировъ, В. И. Фармаковский и др. (Подробный перечень статей, помѣщенныхъ за эти годы, см. въ № 2-мъ „Народной Школы“ за нынѣшній годъ).

Экземпляры журнала за 1880 г. всѣ разошлись по подпискѣ.

Редакторы-издатели: { **В. ЕВТУШЕВСКІЙ.**
А. ПЯТКОВСКІЙ.

Открыта подписка на 1882 годъ на иллюстрированный дѣтскій журналъ

„РОДНИКЪ“,

съ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПЕДАГОГИЧЕСКАГО СБОРНИКА

„ВОСПИТАНІЕ И ОБУЧЕНІЕ“

Журналъ „РОДНИКЪ“ выходитъ 1-го числа каждаго мѣсяца книжками отъ 6 до 8 печатныхъ листовъ съ отдѣльными картинками и политипажками въ текстѣ. Годовое изданіе составитъ **четыре** тома, около 20 листовъ каждый.

Въ „РОДНИКЪ“, между прочимъ, участвуютъ слѣдующія лица: *М. Н. Богдановъ, Н. А. Бялозерская, П. В. Биковъ, П. И. Вейнбергъ, Н. Н. Каразинъ, А. В. Круловъ, Я. П. Полонскій, Е. П. Свѣшнікова, В. М. Сорокинъ, М. К. Цебрикова, А. К. Шеллеръ* (А. Михайловъ) и мн. др.

Въ журналѣ помѣщаются: стихотворенія, небольшія повѣсти и рассказы, очерки изъ народной жизни, біографіи знаменитыхъ людей, путешествія, популярныя статьи по исторіи, этнографіи и естествознанію, игры, задачи, шарады, анекдоты и проч.

Выборъ статей принаровленъ къ возрасту отъ 8 до 14 лѣтъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ: педагогическій сборникъ „Воспитаніе и Обученіе“ выходитъ 3 раза въ годъ книжками въ 5 и болѣе печатныхъ листовъ каждая.

Въ нихъ помѣщаются: оригинальныя и переводныя статьи по вопросамъ воспитанія и обученія, критика и бібліографія по дѣтской учебной и педагогической литературѣ, педагогическая хроника, русская и иностранная.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА 1882 ГОДЪ.

Журналъ „РОДНИКЪ“ безъ приложенія, съ доставкой и пересылкой — **5 рублей**, а съ приложеніемъ сборника „Воспитаніе и Обученіе“ — **6 рублей** въ годъ. Желашіе получать **одинъ** педагогическій сборникъ „Воспитаніе и Обученіе“ уплачиваютъ за него въ годъ съ доставкой и пересылкою **2 рубля**.

Подписка принимается: въ С.-Петербурѣ, въ конторѣ редакціи дѣтскаго журнала „РОДНИКЪ“, Спасская ул., д. № 1.

Кромѣ конторы редакціи, подписка принимается: для С.-Петербурга: въ книжныхъ магазинахъ Фену и „Новое Время“; для Москвы: въ книжныхъ магазинахъ Мамонтова, „Новое Время“ и при университетской типографіи; для Кіева: у Гинтера и Малецкаго; для Нижняго-Новгорода: въ книжномъ магазинѣ „Первая Нижегородская Артель“; для Рыбинска: въ книжномъ магазинѣ Е. Мусницкой.

Редакторъ-Издательница **Е. СЫСОВА.**

При конторѣ дѣтскаго журнала „РОДНИКЪ“ имѣется **книжная торговля исключительно для иногородныхъ**, которая исполняетъ скоро и аккуратно всякія порученія по покупкѣ и пересылкѣ книгъ, нотъ и учебныхъ принадлежностей. Требованія слѣдуетъ адресовать такъ: Петербургъ, Спасская улица, д. № 1, въ контору дѣтскаго журнала „РОДНИКЪ“.

ХІІІ годъ. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1882 годъ.

На иллюстрированный журналъ литературы,
политики и современной жизни,

выходящей еженедѣльно, т. е. 52 номера въ годъ.

(болѣе 2.000 рисунковъ и чертежей, 2.000 столбцовъ текста)

съ ежемѣсячнымъ приложеніемъ

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ.

(около 500 модныхъ рисунковъ въ годъ, 400 выкроекъ чертежей въ натуральную величину и 300 рисунковъ руководящихъ работъ).

ПРЕМИИ НА 1882 Г. БОЛЬШАЯ НОВАЯ КАРТИНА ПРОФЕССОРА В. И. ЯКОБІА,
ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

„ДОРОГОЙ ГОСТЬ“.

ПЕЧАТАННАЯ МАСЛЯНЫМИ КРАСКАМИ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, ВЪ КОНТОРѢ РЕДАКЦІИ, ПО БОЛЬШОЙ
МОРСКОЙ, № Д. 9.

Подписная цѣна за годовое изданіе „НИВЫ“

съ правомъ на полученіе всѣхъ бесплатныхъ премій въ теченіе 1882 г.

Безъ дост. въ С.-Петербургѣ 4 р. — к.

Безъ дост. въ Москвѣ черезъ Отд.

Конт. „Нивы“ у Н. Печковской 5 р.

Съ доставкою въ С.-Петерб. 5 р. 50 к.

Съ доставкою въ Москвѣ и др. горо-
дахъ и мѣстечкахъ Имперіи . . 6 р.

„НИВА“ даетъ чтеніе: историческія повѣсти, преимущественно изъ русской исторіи, рассказы, романы, біографіи при портретахъ замѣчательныхъ лицъ, статьи по естествознанію (особенно зоологіи), гігіенѣ (ученіи о здоровьѣ), географіи, этнографіи, путешествіяхъ, технологіи, астрономіи, новѣйшимъ открытіямъ и изобрѣтеніямъ, свѣдѣнія изъ внутренней жизни страны, еженедѣльное политическое обозрѣніе, смѣсь, хозяйственные совѣты, шашечныя, шахматныя и математическія задачи, загадки и пр.

Для помѣщенія въ „НИВѢ“ въ будущемъ 1882 году мы имѣли кромѣ массы художественно исполненныхъ гравюръ, уже цѣлый рядъ капитальныхъ литературныхъ произведеній, изъ которыхъ поименуемъ только слѣдующія: большой романъ „ВОЛТЕРЬЯНЕЦЪ“—Вс. С. Соловьева, служащій продолженіемъ романа „СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ“, помѣщенного въ 1881 г.; рядъ рассказовъ А. Я. Максимова „Изъ жизни на крайнемъ Востокѣ“; рассказъ В. Г. Авѣенко „Испанскій дворянинъ“; рассказъ Вс. В. Крестовскаго, „Изъ впечатлѣній его кругосвѣтнаго плаванія“; Н. К. Случевского рассказъ „Маньякъ“; рассказъ Н. Боева „На озерѣ“; рассказъ В. С. Максимова „Барышники“; повѣсть П. П. Гнѣдича въ 2-хъ частяхъ „Въ южной глуши“; рассказы Н. Успенскаго. Какъ ПРЕМИУ на будущій 1882 годъ, мы выдадимъ всѣмъ годовымъ подписчикамъ безъ исключенія и когда бы они не представили свои подписки, — кромѣ большого стѣннаго календаря 1882 года, очень большую роскошную олеографію съ новой картины извѣстнаго русскаго художника профессора В. И. ЯКОБІА:

„ДОРОГОЙ ГОСТЬ“.

Картина написана по заказу „НИВЫ“; сюжетъ заимствованъ изъ извѣстнаго романа „Князь Серебряный“ — графа А. К. Толстого. Блестящія копіи-олеографіи будутъ имѣть именно величину оригинала, т. е. 62 сант. ширины и 82½ сант. высоты — словомъ, большой форматъ.

Желающихъ подписаться на будущій 1882 годъ „НИВЫ“ просятъ заблаговременно обращаться въ Главную контору редакціи „НИВА“ (помѣщается въ С.-Петербургѣ, Большая Морская ул., д. № 9).

Издатель „НИВЫ“ Ф. МАРКСЪ.

Къ празднику Рождества Христова и къ Новому Году

поступитъ въ продажу книга:

„СКАЗКИ ДОЧЕРИ МОЕЙ“.

БУЛЫИ.

Переводъ съ французскаго, подъ редакціею Т. П. Пасекъ, съ рисунками (силуэтами) Е. М. Бемъ.

Цѣна 1 р. 50 к.

Изданіе „Сказки дочери моей“ будетъ состоятъ изъ двухъ книгъ, каждая изъ нихъ представляетъ рядъ законченныхъ рассказовъ. Первая книга выйдетъ къ Рождеству, вторая къ празднику Свѣтлаго Христова Воскресенія.

Въ редакціи журнала „Игрушечка“, въ „Новомъ Времени“ и въ складѣ „Современныхъ Извѣстій“ открыта подписка на обѣ части „Сказки дочери моей“. Подписная цѣна за два тома съ пересылкою **2 руб.** Въ роскошномъ переплетѣ **3 руб.**

ПОДАРОКЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ:

12 большихъ картинъ, раскрашенныхъ отъ руки. Раскрашенный переплетъ большого формата. Напечатана крупнымъ шрифтомъ, со множествомъ виньетокъ и заставокъ.

Цѣна 1 р. 25 к.

Складъ въ „СОВРЕМЕННОМЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ“, Петербургъ, Новая ул., д. 4, и у всѣхъ книгопродавцевъ.

Иногородные могутъ выписывать отъ издателя: С.-Петербургъ, Пески, 7 ул., д. 21, кв. 4. За пересылку и укупорку — 25 к.

Редакторъ-издательница **Т. ПАСЕКЪ.**

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 14 ноября 1881 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. № 11—2.